

Надежда Мамаева

СВЕТЛЫЕ И ТЕМНЫЕ

ТЫ ЖЕ ВЕДЬМА!
ВОДНЫЕ МАГИ ЖГУТ
АДЕПТЫ ОБМЕНУ И ВОЗВРАТУ
НЕ ПОДЛЕЖАТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М22

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия

Иллюстрация на обложке
Бориса Аджиева

Мамаева, Надежда

М22 Светлые и темные: Ты же ведьма! Водные маги жгут. Адепты обмена и возврату не подлежат: сборник / Надежда Мамаева. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 736 с. — (Коллекция. Другие миры).

ISBN 978-5-17-162075-2

Как свести с ума саму госпожу Безумие? А обхитрить Смерть, всю инквизицию разом и архидемонов Мрака? Или остановить на полном скаку всадников Дикой охоты?

Об этом знают земли Темные, земли Светлые и Серебряный хребет, что надежно хранит свои тайны. Или не совсем надежно? Во всяком случае, три чародейки смогли их разгадать, а потом и поведать миру. Одна из девушек — дочь контрабандиста, вторая — водного мага, а третья... Так, а кто отец этой рыжей менталистки? И почему при виде нее сама Эйта Дарящая Безумие нервно дергает глазом?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162075-2

© Надежда Мамаева, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ТЫ ЖЕ ВЕДЬМА!

ПРОЛОГ

Год 1330-й от Пришествия драконов

— Слышь, Меч Властелина, — деловито заговорила белка, распушив свой хвост, — а вот скажи: кто больше на дворцовой службе получает — некромант или черно-книжник?

— Люлей, денег или тюремного срока? — устало уточнил маг, откинув голову на спинку кресла.

Белка... Эйта Дарящая Безумие... Нет, он, конечно, слышал про нее, но никогда не думал, что придется увидеть воочию. И не только увидеть, но и услышать. И разговаривать. Из ночи в ночь, из ночи в ночь, опасно балансируя на краю разума.

Вот и сегодняшняя беседа продолжалась уже не один удар колокола, почти с полуночи. Близился рассвет. Но просить рыжую исчезнуть было бесполезно. Пробовал. По-разному. И даже если эта самая просьба была подкреплена, по всем правилам дипломатии, арбалетным болтом с серебряным наконечником, результат был нулевым.

Эйта приходила каждый день, точнее ночь, чтобы свести с ума того, кто еще несколько седмиц назад был Карающим Мечом, хранителем жизни императора. Тем, чьей тени боялись не только во дворце, но и во всей империи.

Именно был. Служил и по долгу службы принял на себя проклятие, уготованное его господину. Ныне оно в обличье рыжей белки точило, как ржа железо, разум Эрриана. Эти разговоры о ерунде изматывали мага.

— А бывает, что всего и сразу? — продолжала допытываться белка.

— Может, и бывает... — пожал плечами маг, глянув в темень за окном. — Но я на своем веку такого не припомню.

— Не припомнит он, — пробурчала белка. — Да и какой там «век»?! Ты еще жизни-то не нюхал.

Маг усмехнулся. Жизни не нюхал. Говорить это тому, чья голова поседела вовсе не от возраста. Тому, кто за свои десять лет службы предотвратил больше сотни покушений, участвовал в раскрытии нескольких заговоров, подавил три восстания. Вот наглое создание!

— И не щурься на меня презрительно, — фыркнула белка. — Тебе сколько? Чуть больше тридцати? А еще не женат. Тещи на тебя нет! И кучи детей в придачу! И выплат по закладной за дом! Вот имел бы жену, два ведра мелких отпрысков и долги, мигом бы с ума сошел. Как миленький! С радостью бы побежал. А то сидит тут, ухмыляется, весь график мне сбивает!

Рыжая встала на задние лапы, воинственно распушив хвост, уперла передние в бока и скомандовала:

— А ну, быстро проваливайся в шизофрению! Кому сказала?!

— Я проваливался только в Бездну. Кстати, не хочешь туда со мной? — изогнул бровь Эрриан. Нелюбовь белки к Мраку он заметил недавно и теперь беззастенчиво топтался по ее большой мозоли.

— Нет уж, спасибо, — насупилась Эйта.

— И чем, позволь узнать, тебе не по нраву Бездна? — спросил маг. — Там хорошо, темно.

— Там демоны, — нехотя буркнула белка.

— Дарящая Безумие испугалась сынов Мрака?

— Сынов я не боюсь, некоторые из них даже вполне симпатичные, но вот с одной дочерью... Глаза бы эту белую и ушастую вовек не видели. Зар-р-раза! Увела у меня из-под носа такого шикарного мужика...

— Клиента? — заинтересовался Эрриан.

— Любо-о-овь, — печально простонала Эйта, а потом, вспомнив о своих прямых обязанностях, добавила: — Ну как, готов сойти с ума и не портить мне статистику?

— Нет, — улыбнулся ей маг.

— Да чтоб тебя архи сожрали, — в сердцах пожелала белка и растворилась в предрассветной дымке.

— Джером! — чуть громче произнес темный. — Можешь заходить. Она ушла.

Тот, кто стоял за дверью, услышал. Скрипнули петли, и в комнате появился надзиратель Эрриана, которому был отдан приказ убить бывшего преданного слугу императора, едва тот проявит первые признаки безумия. Такова была последняя милость владыки своему Мечу — позволить уйти по дороге вечного сна в твердой памяти.

Маг опустил руки на подлокотники кресла. Браслеты, запиравшие дар, звякнули заклепками. Он устал. За четыре седмицы он устал каждую ночь сопротивляться своему безумию.

— Эрриан, — Джером был серьезен, — твой дух силен. Но здесь, в столице, его легче сломить.

— Это приказ его темнейшества?

Маг внимательно посмотрел в бесстрастное лицо пожирающего душ, который был лет на десять старше его. Сейчас, когда дар Эрриана был запечатан, Джером легко мог его убить.

— Пожелание. — Надзиратель чуть прикрыл глаза.

— Что же, пожелание императора — закон для его слуги.

— Его темнейшество снял с тебя клятву. Ты больше не принадлежишь ему душой и телом. Император лишь просит тебя почить от дел вдали от столицы и дарует земли, где отдых будет приятен и тих. Это удел Гейзлорру.

— Он рядом с Бездной? — уточнил Эрриан.

— Нет, рядом со Светлыми землями.

— Еще хуже! — фыркнул маг.

ГЛАВА 1

Я горела на костре. Пламя бодро облизывало мои ноги, жители городка так же бодро скандировали «Сжечь ведьму!», храмовник умильно смахивал слезу: в этом году он таки выполнил свой план по ведьмам, который до моего приезда в провинциальный Хеллвиль горел почище дров под моими подошвами.

В общем, все в лучших традициях инквизиции. Кроме одного: я была светлой магией. И пылала на бис уже третий раз за месяц!

Для первого сожжения меня в храмовых документах оформили как «одержимую демонами», для второго — как «проповедницу чернокнижного учения». И вот теперь жгли как ведьму. К слову, служитель богов заплатил мне за каждое из показательных выступлений по золотому. Неплохая прибавка к жалованью штатной магессы Хеллвиля! Да что там прибавка, я бы сказала — основной доход! Ибо ковен платил мне четверть сребрушки в месяц — ровно столько, чтобы сосланный сюда по распределению молодой маг не протянул ноги, а вот сбежать, купив место в дилижансе, не мог. Да-да. Хеллвиль — такая дикая глушь, куда не добирались не только летные лодки, но даже драконы. Приграничье, скованное первой поземкой. Темные дремучие места, в которых обитали светлые.

Здесь народ считал, что любую болезнь можно излечить молитвой. А если она не помогала, то настойкой. Причем неважно, что именно настаивать: корешки, ягоды, листья... Главное, чтобы не на собственном мнении, а на перваче. И чем тот ядренее, тем лекарство целебнее. А чем больше его доза, тем быстрее пройдет хворь. Местная хворь, к слову, была всего двух видов: телесная и душевная. Горожане страдали преимущественно от второй.

Из развлечений в городке имелось пара кабаков, куча сплетниц, проповеди храмовника каждую седмицу. Ну и, конечно, гвоздь программы — сожжение ведьмы! В общем, жизнь текла тихо, мирно, чинно и благородно.

Отрабатывая гонорар, я экзальтированно крикнула, что доберусь еще до горожан в целом и до отца Панфия в частности. Толпа ответила с энтузиазмом. Святой отец жутко обрадовался моему заявлению: у него в разрядке значилось еще одно «изгнание темных сил».

Все было выверено до вздоха. Вот сейчас он поднимет ладони к небу, размахивая рукавами своей парадной хламиды, и отвлечет толпу, а я тут же брошу в огонь под ногами третий порошок шкуры саламандры. Столб пламени взвоется ввысь на дюжину локтей, народ дружно ахнет, а я под прикрытием дымовой завесы вскочу на метлу. Магирующий амулет, ловкость рук, желание жить и разбогатеть на целый золотой — и даже применения собственного дара не нужно. Светлого целительского дара, который, кстати, у меня почти исчез. Осталась лишь искра, едва едва тянущая на слабенькую единицу. С таким даже рану не заживить, разве что небольшой порез. Ну или занозу вытащить. Предел моих магических целительских возможностей — остановить кровь из носа. Все.

Но зато я отлично умела варить алхимические зелья, делать вытяжки, накладывать повязки. Прекрасно знала анатомию всех семи рас. Даже демонов! Правда, мужскую. С демоницами получился небольшой пробел. А что? Кого во Мраке сумели отловить выпускники боевого факультета, строение того и изучали. Хотя спустя две седмицы усиленного лечения тот подопыт... — прошу прощения, — пациент с колотой раной на бедре сбежал обратно в Бездну. Даже без портков. Но у адептов целительского факультета осталось то, чего не отнять — знания. В том числе и лингвистические. Демон ругался знатно — забористо и с вдохновением.

Между тем, пока Панфий поднимал вверх руки согласно отработанному сценарию, над площадью раскатом грома прогрохотал низкий суровый голос:

— Что здесь происходит?

Два всадника на породистых скакунах стояли позади толпы. Оба в темных плащах. Один смуглый, с черными

как смоль волосами, второй... Второй производил странное впечатление. Совершенно белые, словно снег под луной, волосы, молодое лицо и пронзительный взгляд. Вроде бы он и не кричал, но страшно стало всем, даже дворовому псу, который до этого момента радостно носился вокруг костра. Он испуганно присел на хвост и по-щенячьи описался. Отец Панфий, увы, такого позволить себе не мог, хотя по глазам было видно, что хотел.

— Мы очищаем славный Хеллвиль от скверны, мессир, — не очень уверенно ответил он, убирая руки за спину и делая шаг назад.

Меня это отступление от сценария совершенно не устраивало. Я, демоны подери, вся горела. И не от страсти. Умирать молодой не хотелось. Молодой и без полученного за работу золотого — не хотелось вдвойне. Посему я решительно крикнула:

— Уважаемый! Езжайте, куда ехали, и не мешайте аутодафе!

Замерли все. И досточтимые горожане, и двое пришлых, и храмовник. Впрочем, последний опомнился быстро. Он снова взмахнул руками, готовясь прочесть псалом о низвержении исчадий Бездны обратно во Мрак. Пресвятому обычно отлично удавалась эта декламация. Особенно выразительным и зычным его голос становился на седьмой и двенадцатой строфах, где речь шла о прелюбодеянии и отпущении грехов.

Но, увы, его опять перебил тот... вьюжный на всю голову и опасный, как матерый хищник, темный. Глядя на этого сына Мрака, я неожиданно вспомнила снежного барса. Ну точно... Барс!

— Как представитель исчадий Тьмы, я протестую! — угрожающе произнес он.

— Протестуйте в другом месте! — вскипела я.

Подол юбки уже тлел, еще немного — и ткань вспыхнет пламенем, а они тут дебаты устроили.

— Вот-вот! — поддержал меня кто-то из толпы.

— Проваливай! — донеслось сразу с нескольких сторон.

— Поймай свою ведьму и казни ее как хочешь! А на нашу не зарься! — пророкотало над головами, легко перекрывая шум на площади.

Бас госпожи Йонфер был знатным. Она наверняка могла бы им подковы гнуть, если бы захотела. Но она хотела цветов и романтики, поскольку натуру имела нежную, ранимую и трепетную, несмотря на внешнюю мощь и габариты, с которыми проходила не во всякую дверь. Госпожа Йонфер носила изящные шляпки, что сидели чуть косо на ее голове, всегда стояла в первых рядах у моего костра и трогательно рыдала своим знаменитым басом на седьмой и двенадцатой строфах псалма.

— Никого ловить и поджигать в *своих* землях я не собираюсь, — отчеканил темный, дернул поводья загарцевавшего коня, и тот встал на дыбы.

В своих землях?! Повисла тишина. Нехорошая такая. В подобные моменты говорят: сдох темный. Но вот конкретно сейчас могла запросто помереть одна светлая я.

— Давайте сначала меня до конца сожжем, а потом будете упражняться в топографии, мать ее, дипломатии и богословии! — взмолилась я, пассом активируя свою метелку, которая лежала в полной полетной готовности на крыше ратуши. — Отец Панфий, начинайте же! Я очень хочу очиститься от грехов. Прямо мочи нет, как хочу!

— О исчадие Тьмы! — воодушевленно взвыл храмовник.

Толпа, которую едва не лишили главного зрелища, радостно вторила ему. Хламида отца Панфия развевалась под порывами стылого ветра. Горожане, кутаясь в платки и кожухи, замерли, ожидая чуда. Все прекрасно знали, что сейчас полыхнет пламя Бездны и пожрет свою дочь. А через седмицу можно будет как ни в чем не бывало снова постучаться в дверь дома спаленной недавно ведьмы, обнаружить ее в целостности и сохранности и попросить проклятие для стервы соседки или согревающей настойки от простуды, или порошка бычьего корня для мужской силы.

Все собравшиеся этим промозглым утром на исходе осени знали сей ритуал, только пришлые нет. И все испортили.

— Джером, — бросил пепельно-снежный паразит своему смуглому спутнику.

Тот кивнул, и с его руки сорвался «ледяной водоворот». Ледяной, мать твою! Это в такую-то холодрыгу! Нет,

конечно, пока я поджаривалась у столба, то не ощущала всех прелестей последних дней месяца санного перепутка. Но сейчас...

Под подошвами рассерженными змеями зашипели угли потухшего костра. Я вымокла вся, от рыжей макушки до ботинок, в которых захлопала вода. Волосы сосульками свисали до пояса, ткань черного платья прилипла к телу так, что я чувствовала не то что порывы ветра, а даже насморк и сиплое дыхание зрителей из первого ряда.

Над площадью повисла тишина. И в том звенящем безмолвии я чихнула. Оглушительно. Так, что с ветки ближайшего дерева с криком взметнулись вороны и рванули в небесную высь. Правда, не все. Одна то ли глубоко задумалась, то ли была глуховата, то ли просто задремала. В общем, освобожденная ее товарками ветка спружинила, и ворона свалилась клювом вниз. Знатно припечатавшись о схваченную первыми морозами землю, она вдруг пришла в себя и с карканьем, в котором мне отчетливо послышалось «кар-р-раул», тоже сиганула к тучам, что были готовы вот-вот разрешиться от снежного бремени.

Посадочно-взлетное безобразие происходило все в том же молчании. За вороной наблюдали и досточтимые жители Хеллвиля, и дуэт совсем не досточтимых приезжих, и я, недожженная ведьма.

В носу вновь зачесалось, и я еще раз чихнула. Ну да, была у меня такая особенность: я не умела делать это тихо. Вот некоторые благородные лэриссы могли. Они и чихали, как мышки, ели, как птички, и спали, как... Да в целом в правильной позе спали, не пинаясь и не сопя. Словно трупы в склепе. Может, набор малошумных качеств шел в обязательном комплекте к статусу лэриссы? Или выдавался им при рождении вместе с золотой ложечкой? Увы, этого мне никогда не узнать, потому что во мне не текло ни капли голубой крови.

Я была дочерью целителя со скромным магическим даром, простого горожанина без титулов и наград, некогда выпускника Академии имени Кейгу Золотое Крыло, а ныне лекаря в Вейхоне — городе на севере империи. Моя матушка и вовсе родилась в семье скорняка. Зато у нее имелся дар, который, на мой взгляд, ничуть не усту-

пал магическому: она умела торговаться. И делала это так вдохновенно и талантливо, что ни разу ничего не купила за полную цену. Даже когда темный торговец однажды приставил нож к ее горлу, матушка все равно торговалась. Шепотом, но торговалась и выбила-таки скидку на тот амулет.

Увы, ее дар мне не передался в полной мере, в отличие от магии отца. Той было с лихвой. Все пять лет учебы в Северной Вейхонской академии магии я не жаловалась на свои восемь единиц дара. Вот только перед практикой вышла незадача...

— А теперь объясните мне, храмовник, — разорвал гнетущую тишину голос Снежного Барса, как я про себя назвала темного, — в чем виновна эта ведьма?

Отец Панфий замялся. Потом смутился. И наверняка бы покраснел, если бы уже не был синим: ему рикошетом досталось от «ледяного водоворота».

— Она... Она... — выдал он спустя несколько мгновений. — Греховный сосуд!

Да уж. Сомнительный аргумент, чтобы сжигать кого ни попадя. Мало ли кто какой сосуд. Даже в самом Панфии сейчас булькала минимум пинта вина со специями: попробуй в такую холодрыгу очищать души от скверны без подогрева.

Судя по выражению лица Барса, для него греховная сосудистость тоже не была веской причиной для казни. И он явно настроился на долгий и обстоятельный допрос.

Все ясно. Догореть мне сегодня все-таки не удастся. Принесли же демоны Барса со смуглым не вовремя! Эх, плакал мой золотой! Рачительный храмовник если и заплатит, то половину. Стало быть, незачем мне тут стоять и клацать зубами! Высвободив руки из почти не затянутой на запястьях веревки (Панфий только для вида накинул), я отлепилась от столба. Сошествие ведьмы с костра на землю получилось впечатляюще злым и хлюпающим.

— Господа, вы тут разбирайтесь в моих преступлениях и наказаниях, а я пока пойду в трактир тетушки Брас. Погреюсь. Не цветень месяц на дворе, так и заболеть недолго. А с простудой я на костер не полезу, — заявила, зябко обхватив себя руками за плечи. — Даже не проси-